

УДК 294.321(517.3)

АБАЕВА Любовь Лубсановна – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; luba-abaeva@mail.ru)

ФЕНОМЕН САКРАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ В РЕЛИГИОЗНЫХ ДОМИНАНТАХ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. В статье анализируются этнические стереотипы, нравственные категории и этические приоритеты монгольских народов по отношению к категории Земли в процессе адаптации буддийских идей и практик. На наш взгляд, результаты их креативной деятельности по поводу феномена сакрализации Земли (тотемистические, анимистические, ритуальные и символические знания) четко проявляются в последующих формах их религиозных культур, особенно в буддийских практиках, модернизируясь, трансформируясь и эволюционируя в соответствии с социальными, экономическими и политическими запросами социума.

Ключевые слова: монгольские народы, этнические стереотипы, нравственные категории, этические императивы, религиозные доминанты, сакрализация, Земля

Земля является одним из самых почитаемых объектов в религиозной культуре монгольских народов. Нашей задачей является анализ процессов сакрализации Земли как этнокультурного феномена в пространственно-временном аспекте на территории бывшей Великой степи. Процесс эволюции этого уникального феномена трансформировался от архаических ритуалов, шаманских и тэнгрианских обрядов в контекст буддийской теории и практики. На основе этнологических, фольклорных и литературных материалов исследуется феномен почитания Земли, практикуемого почти всеми монгольскими народами в Монголии (Монгол Улс), Внутренней Монголии Китайской Народной Республики (Овор Монгол), Республики Бурятия Российской Федерации (Буряад Улас) и Республики Калмыкия (Хальмг Тангч).

Монголосфера в социокультурном обозрении представляет собой кочевую культуру, динамично развивающуюся и адаптировавшую многие этнокультурные традиции этносов сопредельных территорий. В историческом обозрении монгольские народы представляют четыре большие этнотерриториальные группы: южные монголы (овор монгол); центральные монголы (тов монгол); западные монголы (дурбэн ойрат, а также сопутствующие им этнические группы); наконец, северные монголы (ара монгол), в основном представленные бурятской этнической общностью. В устной и позже в письменной культуре эта метаэтническая монгольская общность идентифицировала себя как «Хамаг Монгол» – «все монголы», подразумевая общие этногенетические корни, этнотерриториальные и этнокультурные истоки. Так, например, монголы в пределах Российской Федерации – это буряты в Республике Бурятия, Забайкальском крае и Иркутской обл.; калмыки, преимущественно торгуты и дэрбэты, в Республике Калмыкия и ее сопредельных территориях. Бурятские и калмыцкие диаспоры в Российской Федерации также представлены городами Москва, Санкт-Петербург, Самара, Волгоград, Астрахань и др. Монгольские диаспоры за рубежом фиксируются в Китае, Корее, США, Канаде, Австралии, Афганистане, Германии, Великобритании, Чехии, Венгрии, Австрии,

Франции, Новой Зеландии и др. При этом обитающие в пределах земледельческого и производственного способа хозяйствования представители монгольских диаспор уже, естественно, не живут в рамках кочевого образа жизни.

Земледельческий хозяйственно-культурный тип (ХКТ) – это четко выраженная оседлая цивилизация, тогда как скотоводческий и оленеводческий типы хозяйствования – это также ярко выраженная, но кочевая и достаточно динамичная цивилизация. Однако для определения корней этнической идентификации, самоидентификации, реализации мировосприятия и его адаптации необходимы и другие параметры, формирующие этнокультурную уникальность того или иного этноса. Именно территория (вместе с ландшафтом, климатом, сезонными изменениями и пр.), ХКТ, язык, культура, этническое самосознание и особенности психологического склада создают уникальный, свойственный только конкретному этносу стереотип мышления, мировосприятия и мироощущения. При этом ментальность индивида как представителя конкретной этнической культуры всегда будет находиться в русле «своей» культуры. Специфическая культура духовных ценностей, моральных воззрений, поведенческих программ, мотиваций и аргументов, особые способы ориентации в природе и обществе, а также уникальное восприятие пространства и времени в реальных рамках созданной ими кочевой цивилизации – все эти категории органично включаются в систему традиционного мировоззрения практически всех монгольских народов [Абаева 2018а: 23–24].

Сакрализация Земли как места обитания людей и всякой живности (животные в монг. яз. – *амитан* – «имеющие дыхание»), а также отношение к Земле как к территории обитания и планете в космическом пространстве четко фиксируют миропонимание монгольских народов в метаэтническом, универсальном векторе знаний о миропорядке. Сакрализация объектов окружающего мира, формирование и сохранение традиционных стереотипов поведения представителей монгольской общности в разные хронологические периоды зависела, естественно, и от представителей соседствующих культур. Например, во Внутренней Монголии – это китайская оседлая культура и культура кочевников монгольского происхождения; в Синьцзянском автономном районе КНР – китайская оседлая культура и культура как собственно монгольских кочевников, так и кочевая культура тюркских этносов; в Монголии – маньчжурская культура и монгольская кочевая культура, в основном в условиях моноэтнической структуры; в Бурятии – славянские этнические сообщества (старообрядцы-«семейские» и казачество) и бурятский (бурят-монгольский) этнический стереотип поведения; в Калмыкии – европейские славянские и кавказские сообщества и калмыцкий (ойратский) этнический стереотип кочевой цивилизации. Поэтому на рубеже XVI–XIX вв. традиционные воззрения и религиозные практики монгольских народов представляли собой достаточно сложную систему, включающую в себя различные по своим историческим и социальным корням и генезису элементы, соотносимые с различными временными пластами. Одним из первейших параметров любого конкретного этноса, как мы уже упоминали, является прежде всего территория (земля), на которой исторически сложилась конкретная этническая группа. При этом большое значение приобретают не только ландшафтные особенности этой территории, но и климатические и погодные условия местности, которые, несомненно, учитывались при формировании религиозных объектов, например, земля как территория обитания и кочевания.

Не секрет, что этносы, сложившиеся на горных территориях, имеют свои неповторимые особенности, выраженные в темпераменте и, соответственно, уникальной этнической ментальности. В монголосфере к «горным» этносам

можно отнести западных монголов, т.е. ойратов, или объединение «дурбэн ойрат» и сопутствующих им представителей других родов и племен (торгуты, дэрбеты, хошуты, зунгары, баяты, олеты, мингаты, чоросы и др.). К «горным» этносам на территории этнической Бурятии можно также отнести и хонгодоров, поздних выходцев из Западной Монголии, расселившихся в Окинском, Тункинском, Закаменском и Баргузинском районах Республики Бурятия. Калмыки, поскольку исторически и этнически считаются ойратами, также по характеру и складу ума относятся к горным представителям монгольской метаэтнической общности. Кстати, разговорный язык «горных» монголов характерен быстрым произношением, гортанными звуками и слгатыванием многих гласных. Равнинно-степное пространство, на наш взгляд, уже в силу специфики ландшафта располагает к спокойствию и уравновешенности. Степные хори, лесостепные булагаты, хайты, баоань, дунсяне, дауры, барга, монголы, харчины, хорчины, чахары и др. отличаются от «горных» монголов прежде всего эффектом сингармонизма (чередование: гласное – согласное), удивительно спокойным этническим темпераментом и специфической ментальностью, а также толерантностью позиционирования своих мировоззренческих аспектов, сформировавшихся под влиянием ландшафтных и климатических условий Великой степи. С точки зрения медицинской антропологии монгольские народы имеют в т.ч. и характерные заболевания, выражающиеся в основном во внутренних болезнях, болезнях желудочно-кишечного тракта и почечно-печеночных заболеваниях, тогда как славянские и европейские народы в основном страдают от сердечно-сосудистых заболеваний. К примеру, старинный фольклор и песни славянских этносов фиксируются в основном на таком немаловажном для жизнедеятельности человека органе, как сердце. Главный «эмоциональный удар» у каждого индивида-монгола в основном приходился на печень (эльгэ-зурхэ – бур.; элег-зурэх – монг.). Этот факт достаточно характерен и актуален для всей монголосферы в данное время. К сожалению, в Российской Федерации заболевания по этническим признакам не фиксируются ни качественно, ни количественно.

Но все же феномен сакрализации Земли, представления и знания о способах ее почитания в представлениях монголосферы (Хамаг Монгол) выступают как единое целое в структуре общего традиционного мировоззрения монголов и занимают достаточно важное место в их образе жизни. При этом практические знания монголов о феномене Земли связывали в одно целое природу (макрокосмос) и человека (микрокосмос). По мере своей эволюции это целостное мировосприятие приобретает выраженные социально-регулятивные и социальные функции. Впрочем, между собственно культурой и религией всегда существовали аналогичные категории и феномены, основанные на нормативных и регулятивных функциях. Обряды, ритуалы, обычаи монгольских этносов, а также соседствующих с ними представителей тюркских социумов свидетельствуют о единстве их наиболее популярных и важных религиозных воззрений и практик. Так, например, орхонские тюрки почитали Голубое Небо и Бурую Землю. Небо у орхонских тюрков считалось «крышей мира», где ежедневно рождались Солнце и Луна. Особо почиталось рождающееся Солнце. В китайской «Книге гаданий», свидетельствует С.Г. Кляшторный, «упомянуты “три бытия” (мира), видимо, им соответствуют три мира – верхний, средний и нижний». Такое же деление мира фиксируется и в мировоззрении монголосферы [Кляшторный 1982: 537]. Здесь следует оговориться, что известные «орхонские надписи» вплоть до недавнего времени считались творчеством тюркских насельников, однако современные исследователи в Монголии все же приходят к выводу, что это творение также и представителей монгольского

мира. Аналогичны с общемонгольскими параллелями и другие персонифицированные божества – верховное божество верхнего мира Тенгри (Небо). В отличие от Голубого Неба – Кек, Тенгри единолично или вместе с другими небесными божествами распоряжается всем миром – судьбами людей, сроком их жизни, ханской (каганской) властью, решает государственные и военные дела. Ему посвящали высокие деревья и приносили в жертву коней. Все, что существовало до появления человечества, – вселенная, земля с ее почвой, горы, флора и фауна, солнце и луна, небесные светила, планеты, ветер, снег и дождь, ночь и день – все это представляло не только природу как материальную часть Вселенной, но также входило в нее и являлось самой Вселенной в ее космологическом содержании.

Сакрализация Земли в эволюции архаичных представлений монгольских этнических культур широко представлена в их эпических произведениях: «Гэсэриада» (монголы, буряты), «Джангариада» (ойраты, современные калмыки). Так, например, эпос «Гэсэр» начинается с таких слов: «Это было, когда начало/Изначальное расцветало, /Загоралось первое зарево, /Созидалось первое марево; /Не всходила еще трава, /Не звучали еще слова/ В первый раз поведанной былью, /И была еще легкой пылью/ Наша твердая мать-земля», а сакральная «Сумбэр-гора – бугорком» [Гэсэр 1973: 19-20].

В архаичном представлении монгола Земля представляла собой плоский круг, который держат или три слона, или три кита, или три черепахи. При этом фигуранты, держащие этот плоскостной круг, в соответствии с существующей теорией, являлись, как правило, животными тотемного или мифологического и мифопоэтического происхождения, непосредственно связанные с конкретной территорией. Земля в соответствии с картиной мира монгольских народов имела округлую форму или форму диска, а по некоторым данным, – форму квадрата «углы которого соответствуют четырем сторонам света, и этот квадрат покоится на брюхе гигантского водяного животного – черепахи или лягушки (Алтан Мелхий – «золотая лягушка»), – свидетельствует известный исследователь С.Ю. Неклюдов [Неклюдов 1982: 172]. Однако наши полевые исследования не подтверждают вариант «золотой лягушки», тогда как вариант, что три огромных черепахи держат на себе территорию монголосферы в пространстве мифологического времени, очень популярен. С.Ю. Неклюдов приводит замечательный инвариант того, кто держит землю: у некоторых бурятских племен зафиксированы архаичные представления «об огромной рыбе, держащей на своей спине землю» (бурят. – Абарга Загахан; монгол. – Аврага Дзагасан; калм. – Аварга загсн) [Неклюдов 1982: 172].

При исследовании феномена почитания Земли и ее дальнейшей сакрализации неожиданно возникает вопрос: являются ли эти достижения собственно этническим и этнокультурным выражением, или все же являются продуктом этносоциального характера?! На эту тему исследователь С.Е. Рыбаков рассуждает так: «Рискнем в общефилософском плане сформулировать проблему так: является ли этническое следствием развития социальных структур или их предпосылкой – или, если угодно, что первично и что вторично – собственно “этническое” или собственно “социальное”?» Далее он полагает, что собственно этнологическая постановка данной проблемы звучит следующим образом: «проистекает ли этническое из культуры, языка, “особенностей психического склада”, государственных и административных границ и т.п. – либо перечисленные эти и иные социальные феномены (кстати говоря, в том числе и этничность, и этнос, и нация, которые также, бесспорно, являются социальными феноменами) обусловлены этническим “нечто” – несоциальным по своей сути?» [Рыбаков 2001: 155]. В данном случае, на наш взгляд, работает тео-

рия А.В. Головнева, который констатирует: «По стилю движения и адаптации культуры разделяются на локальные (local culture) и магистральные (long-range culture). Культура, основанная на экоадаптации и сосредоточенная на конкретном экотопе, может быть названа локальной; культура, охватывающая большое пространство, связывающая собой несколько локальных культур и использующая их ресурсы, – магистральной. Локальная культура осваивает биоресурсы, магистральная – социоресурсы. <...> При статусном превосходстве магистральной культуры локальная обладает устойчивостью и живучестью благодаря непосредственной связи с землей и ее ресурсами» [Головнев 2009: 67].

Еще в «Сокровенном сказании» упоминаются первопродки всей монгольской метаэтнической общности – Бортэ Чино (серо-сизый волк) и Гоа-Марал (каурая лань), давшие начало жизнедеятельности этой общности в пространстве и времени Великой степи. Тотемами многочисленных монгольских племен и родов также стали представители реальной флоры и фауны: быки, барсы, волки, орлы, различные беркуты и соколы. В тотемы включались как рыбы (налим), так и водоплавающие – птица-лебедь. Тэнгрианские традиционные воззрения наблюдаются на уровне восприятия небесного происхождения самого Чингисхана и других ханов и хаганов азиатского мира, о чем неоднократно и широко писали многие исследователи [Бира 2011: 4, 82, 103].

Образы священных и почитаемых горных хребтов или отдельной горы всегда выполняли в сознании монгольского индивида очень важные функции, играя роль медиатора (посредника) между различными стихиями мироздания, между небом и землей, человеком и природой. Возможно, именно поэтому, начиная с XVI в. и вплоть до современного периода, многие религиозные культы и ритуалы монгольских народов отправляются у подножия гор. Конусообразный вид любой горы, почитаемой уже в современный период монгольскими народами, свидетельствует о тэнгрианских представлениях конусообразного пирамидального строения мира [Бат-Отгон 2014: 23-26]. Если вести отсчет с нижнего уровня, где Земля находится у основания пирамиды, а Небо – на самой вершине конуса пирамиды, то мы имеем девятичленное деление мира в представлении средневековых монгольских народов. Известный ученый А.В. Головнев так говорит об этом в своей удивительной монографии «Антропология движения»: «Особое отношение кочевников к горе отражает архаический, если не архантропический, стиль поведения, когда гора была гнездом и убежищем в движении пралюдей... Рейды кочевников по степным пространствам нередко начинались и завершались в горах. У кочевого вождя была своя гора, непременно священная, с которой он впервые обзирал свою страну и где желал обрести покой. ...кочевник по своему видению пространства и исходной тактике движения был не столько степняком, сколько горцем» [Головнев 2009: 372].

Буддийские антропогенетические, философские и доктринальные доминанты ассимилировали и адаптировали сакрализацию Земли монгольских народов, обусловив при этом появление и функционирование чисто монгольских буддийских специфических обрядов и культов. В соответствии с древнеиндийскими представлениями, окружающий мир представлял собой плоский диск, в центре которого находится мировая гора Меру, окруженная океанами, в которых расположены четыре континента: на востоке – Пурвавидеха, на юге – Джамбудвипа, на западе – Апарагодана, на севере – Уттаракору» [Мяль 1980: 191]. Джамбудвипа и ее категориальные смыслы всегда представляли особый интерес для исследователей, занимающихся религиозными представлениями индийских, тибетских и монгольских этносов о мире, где обитают люди (Земля). Буддийские космологические идеи в контексте Джамбудвипы не только адаптировали в этом смысле картину мира и мировоззрение мон-

гольской метаэтнической общности, но и значительно расширили рамки их традиционных взглядов в целом, обусловив при этом дальнейшую кодификацию и сакрализацию многих природных объектов небесного и земного происхождения [Абаева 2018б: 125-126]. Такие фундаментальные стихии мироздания, как вода, земля, огонь, исторически входившие в традиционную систему религиозной культуры монгольских народов, с восприятием буддийской идеи о Джамбудвипе приобретают особо расширенный и значительный сакральный смысл. Кроме того, космогонические идеи Джамбудвипы присутствуют практически во всех современных религиозных культурах, ритуалах и жертвоприношениях монгольских народов: культе гор, почитании Вечного Синего Неба, почитании Матери-Земли, почитании деревьев, сакрализации водных резервуаров и т.д. [Абаева 2018а: 60-69]. Специфические представления космологической картины мира, а также буддийские идеи Джамбудвипы органично адаптировали архаичные мировоззренческие представления монгольской метаэтнической общности, обусловив появление уникального феномена сакрализации Земли для всей монголосферы.

Статья выполнена в рамках госзадания «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии с периода распространения буддизма до современности (Россия – XVIII–XI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)».

Список литературы

- Абаева Л.Л. 2018а. *Религиозная культура монгольских народов в векторе буддийских традиций*. Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном. 368 с.
- Абаева Л.Л. 2018б. Пространственные и мифологические категории Джамбудвипы в политических, социальных и сотериологических устремлениях монгольских народов. – *Власть*. Т. 26. № 6. С. 122-127.
- Головнев 2009. *Антропология движения*. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН «Волот». 496 с.
- Гэсэр 1973. *Бурятский героический эпос* (свод. текст Н. Балдано, подстр. пер. и предисл. А. Уланова, пер. с бур. С. Липкина). М.: Художественная литература. 394 с.
- Кляшторный С.Г. 1982. Мифы тюркоязычных народов. – *Мифы народов мира*. М.: Советская энциклопедия. Т. 2. 718 с.
- Мяль Л.Е. 1980. Буддийская мифология. – *Мифы народов мира*. М.: Советская энциклопедия. Т. 1. С. 190-195.
- Неклюдов С.Ю. 1982. Монгольских народов мифология. – *Мифы народов мира*. М.: Советская энциклопедия. Т. 2. С. 170-172.
- Рыбаков С.Е. 2001. *Философия этноса*. М.: ИПК Госслужбы. 360 с.
- Бат-Отгон 2014. *Монх Тэнгэр ба Шинжлэх Ухаан*. Улаанбаатар [Zulaagiin Bat-Otgon. *Monkh Tenger ba Shinzhlekh Ukhaan*. Ulaanbaatar]. 384 с.
- Бира 2011. *Монголын Тэнгэрийн Узэл, Mongolian Tengerism. Туувэр Зохиол, Баримт бичгүд: selected papers and documents*. Улаанбаатар. 482 с.

ABAEVA Liubov' Lubsanovna, Dr.Sci. (Hist.), Professor; Chief Researcher of the Department of Philosophy, Cultural Anthropology and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; luba-abaeva@mail.ru)

THE PHENOMENON OF THE SACRALIZATION OF THE EARTH IN THE RELIGIOUS DOMINANTS OF THE MONGOLIAN PEOPLES

Abstract. *The article analyses ethnic stereotypes, moral categories and ethical priorities of Mongolian peoples in the process of adapting Buddhist ideas and practices. In our opinion, the results of their creative activities regarding the phenomenon of the sacralization of the Earth (totemistic, animistic, ritual and symbolic knowledge) clearly manifested in the subsequent forms of their religious cultures, especially in Buddhist practices, modernizing, transforming and evolving in accordance with the social, economic and political demands of society.*

Keywords: *Mongolian peoples, ethnic stereotypes, moral categories, ethical imperatives, religious dominant, sacralization, Earth*